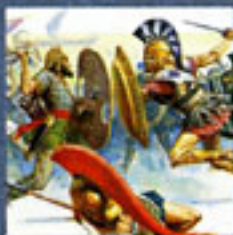

Эдвард Кризи

ВЕЛИКИЕ СРАЖЕНИЯ АНТИЧНОГО МИРА

ХРОНИКИ

ВОЕННЫХ

СРАЖЕНИЙ

Эдвард Кризи

**Великие сражения
Античного мира**

«Центрполиграф»

Кризис Э.

Великие сражения Античного мира / Э. Кризис —
«Центрполиграф»,

Эдвард Кризис, исследуя вооруженные конфликты Античности, определяет свой выбор самых важных сражений этого периода истории тем, что они позволяют во всех деталях рассмотреть масштабную картину развития человечества. Автор анализирует расстановку политических сил к моменту сражения, рассказывает о военачальниках, полководцах и флотоводцах, о вооружении и тактике противников, подробно освещает сам ход сражения и, наконец, делает вывод о значении этой войны для дальнейшего течения истории. В этой книге вы познакомитесь с драматическими коллизиями битв при Марафоне и Метавре, поражения Афин при Сиракузах, сражения при Арбелах (Гавгамелах), узнаете о победе Арминия над римскими легионами Вара в Тевтобургском лесу. Также рассматриваются Шалонское сражение (451 г.) и битва при Туре (732 г.), так как в эпоху раннего Средневековья, наряду с новыми элементами, еще господствуют принципы ведения войн, вооружение и тактика, принятые в Античности.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Эдвард Кризи

Великие сражения Античного мира

Мир приносит свои победы, не менее славные, чем война...
Эдвард Шеперд Кризи

Предисловие

Важнейшей отличительной чертой нашего столетия является то, что в цивилизованных странах любые проявления насилия, в особенности войны, все чаще начинают восприниматься с осуждением. Мировое сообщество, конечно, не намерено и вряд ли будет когда-либо готово включить в свои ряды государственных деятелей всех стран. Но даже те, кто порой призывает к войне как средству разрешения неизбежных международных противоречий, сходятся во мнении, что вооруженный конфликт является вынужденной мерой, к которой прибегают после того, как безуспешно были испробованы мирные средства. В этом случае государство точно так же оправдывает закон о самообороне, как и индивидуума, которому грозит неотвратимая серьезная опасность. Что касается писателей, то вряд ли в наши дни они избрали темой своих произведений сражения только из любви к битвам или потому, что бесчисленное множество солдат в них участвовало, а многие сотни тысяч людей были заколоты, зарублены, застрелены или приняли иную смерть. Нет, для писателя это было бы свидетельством слабоумия или порочности. Тем не менее нельзя отрицать, что эти сцены кровавых побоищ вызывают жадный, пусть и опасливый интерес. В проявлении храбрости, вне всякого сомнения, присутствует подлинное величие, а приверженность законам чести позволяет бойцам противостоять страданиям и разрушениям. Нигде мощь человеческого интеллекта не проявляется так ярко, как на месте командира, силой своей воли осуществляющего планирование, построение и управление огромными массами участников вооруженного столкновения. Сохраняя хладнокровие и демонстрируя чудеса храбрости, подвергая себя постоянному риску, он заботится обо всем и отвечает за все. У него всегда есть наготове свежие резервы и новые решения в быстро меняющихся ситуациях массовых побоищ. И такие качества, какими бы непостижимыми они ни казались, всегда можно обнаружить как среди низших слоев общества, так и среди аристократии. Так, Катилина был таким же храбрым воином, как и Леонид, но гораздо более грамотным военачальником. Альба на поле боя превосходил герцога Оранского, а Суворов как полководец был выше Костюшко. Здесь можно вспомнить выразительные строки Байрона:

Все проверяется на деле,
В нем к храбрецам приходит слава или унижение...

Есть такие сражения, которые привлекают наше внимание независимо от моральной оценки, которую мы могли бы дать их участникам. Они всегда будут значимыми с точки зрения того практического влияния, которое их исход оказал на общественные и политические условия современности. Они неизменно вызывают у нас острый интерес, во-первых, потому, что мы пытаемся исследовать причинно-следственную связь этих событий, и, во-вторых, потому, что они помогают нам понять, кто мы такие, и дают почву для размышлений о том, что было бы при ином результате. Галлам замечательно выразил это в своих заметках по поводу победы Карла Мартелла при Туре (Пуатье) над вторгшимися сарацинами (арабами).

По его словам, «она справедливо может рассматриваться в числе немногих событий, где иное развитие могло бы привести к существенным изменениям картины мира, вместе с бит-

вой при Марафоне, Арбелах (Гавгамелах. – *Ред.*), Метавре, Шалонским (Каталаунские поля. – *Ред.*) и Лейпцигским сражениями». Именно внимательное осмысление этого замечания Галлама впервые заставило меня задуматься над данным исследованием. Конечно, между мной и великим историком существуют различия в оценках важности тех или иных сражений, в некоторых из которых он склонен к преувеличениям, а другие, наоборот, попросту игнорирует. Наверное, это правда, что два историка никогда не смогут прийти к полному согласию, составляя список решающих сражений в мировой истории. Различие в подходах приведет к разным оценкам тех или иных событий. Точно так же степень их интереса к конкретным историческим персонажам отразится и на оценке их значения. Но различие в наших взглядах крайне невелико. Скорее всего, это вызвано тем, что мои взгляды на величайшие события в истории совпадают с точкой зрения Галлама. Его заметки учат нас наблюдать за тем, как в столкновении немногих участников зачастую затрагиваются интересы многих государств, и как результат – такой конфликт часто не ограничивается одним столетием, а дает толчок, который влияет на судьбы последующих поколений. Очень ценным является и приобретаемая упорядоченность мышления, которая помогает не просто наблюдать за тем, что произошло и что происходит, но и за тем, что могло бы случиться¹.

Таким образом, мы учимся не считать мерилom мудрости исключительно результат. Мы стремимся применять более справедливые стандарты, исходя из конкретных обстоятельств и возможностей, стоявших перед политическим деятелем или полководцем во времена, когда он обдумывал план действий. Мы пытаемся оценивать его не с точки зрения удачливости, а с точки зрения всех обстоятельств, которые выражаются греческим словом *Προαίρεσις*, не имеющим эквивалента в нашем языке.

Автор понимает, что, даже слегка дав волю воображению и связав ряд событий, мы сможем обнаружить, как, казалось бы, незначительные происшествия, например относительно небольшое боестолкновение, могут оказывать решающее влияние на важнейшие исторические события. Но когда речь идет о следственно-причинных связях, можно говорить лишь о том важном значении, которое имеет один факт по сравнению с другим, а не о тех отдаленных и неопределенных тенденциях, которые могли иметь место в том или ином обществе в прошлом. В то же время существует и школа, проповедующая фатализм, подобно тому как это делают писатели в одной из соседних нам стран. Она утверждает, что история – это не что иное, как цепь обязательных и уникальных событий, которые неизбежно сменяют одно другое. Поэтому, когда автор говорит о вероятности, он имеет в виду то, что могло бы произойти с конкретными людьми. Когда автор затрагивает проблемы причины и следствия, он имеет в виду только те общие закономерности, с точки зрения которых мы воспринимаем то, как регулируются взаимоотношения в человеческом обществе, и в которых мы решительно и категорически признаем мудрость и власть Высшего Законодателя в конструкции, созданной высшим Творцом.

¹ См.: *Боллингброк*. О том, как изучать и как использовать историю. Т. 2. С. 497 сборника.

Глава 1

Битва при Марафоне

*Quibus actus uterque
Europa atque Asia fatis concurrerit orbis².*

В 490 г. до н. э. афиняне созвали военный совет на одном из горных кряжей, нависавших над Марафонской равниной, расположенной на восточном побережье Аттики. Необходимо было срочно рассмотреть вопрос о том, следует ли принять сражение с врагом, который расположился лагерем внизу на побережье. От того, какое именно решение будет принято, зависела не просто судьба двух армий; оно определяло весь путь будущего развития человечества.

В военном совете было 11 членов. Десять из них были стратегами (военачальниками), стратеги избирались по одному от каждой филы (военного административного округа). Все стратеги имели равные военные полномочия. (Из 10 стратегов 1 назначался командовать гоплитами (тяжелой пехотой), 1 – для снаряжения флота, 1 – для охраны страны, 2 – для охраны порта Пирей, остальные – для поочередного командования войсками в походах. – *Ред.*) Одиннадцатый член совета архонтов был назначен для того, чтобы командовать объединенной армией. Он носил звание полемарха, или военного правителя. В битве полемарх пользовался привилегией возглавить правое крыло. Он должен был принимать участие в принятии всех решений по военным вопросам. В тот год звание полемарха носил знатный афинянин по имени Каллимах. Он стоя прислушивался к горячей дискуссии, развернувшейся между десятью стратегами. Несмотря на жаркую словесную баталию, вряд ли кто-либо из ее участников представлял, насколько важен его голос для будущих поколений человечества и с каким интересом грядущие потомки будут изучать записи, описывающие эти дебаты. Перед взором участников совещания предстали войска вторжения могучей Персидской империи Ахеменидов, которая за последние пятьдесят лет раскинулась на огромных территориях, поработив все вставшие на ее пути государства (от Хорезма и Бактрии в Средней Азии и запада Северной Индии до Египта на юго-западе и Македонии на северо-западе. Поход Дария I в 512 г. до н. э. против европейских скифов (иранцы дошли до района нынешнего Тамбова!) закончился неудачей и отходом. – *Ред.*). Стратеги знали, что их полис (Афины) сосредоточил все свои усилия для того, чтобы собрать ту небольшую армию, что была доверена их командованию. Они видели перед собой неисчислимое воинство великого иранского царя, который решил выместить свой гнев на их государстве и на других независимых греческих полисах, осмелившихся оказать помощь восставшим в его стране грекам и даже сжечь столицу одной из его провинций-сатрапий (Сарды, греки сожгли их в 499 или 500 г. до н. э.). Его победоносное войско уже успело частично отомстить непокорным соседям. Несколько дней назад пала Эритрея на о. Эвбея, союзница афинян в смелом походе на Сарды девять (или десять) лет назад. Теперь афинские полководцы с высоты горы могли различить очертания острова Эгилия, где иранцы держали эритрейских пленных, которых предполагалось доставить в Переднюю Азию, где они на коленях должны были выслушать решение своей судьбы из уст самого царя Дария I. Афиняне знали и о том, что в лагере внизу находился изгнанный из Афин тиран Гипший, мечтавший вернуться в город с помощью вражеских мечей и вновь наложить жестокое ярмо на оставшихся в живых жителей разграбленной страны, которых захватчики не посчитают достойной добычей для того, чтобы увести их с собой в рабство.

² Буря прошла каковая, какими столкнулся гонимый Судьбами, тот и другой и Азии круг и Европы. Вергилий. Энеида
Перевод В.Я. Брюсова

Численное превосходство противостоящего противника над их собственной армией было для некоторых членов совета ужасающе явным. (Численность иранского десанта оценивается от 20 тыс. (традиционная цифра) до менее 10 тыс., поэтому либо армии были равны (или даже греков было больше), либо численное преимущество иранцев было сравнительно небольшим. – *Ред.*) В нашем распоряжении достаточно данных для того, чтобы оценить численность армий обеих сторон. Каждый свободный гражданин Греции проходил подготовку к военной службе. В череде бесконечных стычек с соседними городами редкий юноша достигал зрелого возраста, не успев несколько раз быть призванным в армию. Но даже в период наивысшего расцвета Афин число свободных афинян, которые по возрасту подлежали военному призыву, не превышало 30 тыс., а в описываемую эпоху, скорее всего, это число приближалось к двум третям от названной цифры. Кроме того, беднейшая часть горожан не могла обеспечить себя необходимым оружием и снаряжением и, следовательно, не была подготовлена к действиям в качестве тяжелой пехоты (гоплитов). Некоторая часть наиболее подготовленного мужского населения была оставлена в качестве гарнизона для обороны самого города; некоторые отряды должны были нести службу в других районах Афинского государства. Таким образом, следует предположить, что численность регулярной армии, осуществлявшей марш из Афин к Маратонской долине, скорее всего, не превышала 10 тыс. полностью снаряженных воинов³.

За одним исключением, жители прочих греческих городов-государств отказали Афинам в помощи. Спарта обещала военную поддержку, однако высадка персидского войска произошла на шестой день после новолуния и совпала с проведением религиозного праздника. Поэтому спартанские войска не могли выступить на помощь Афинам до наступления полной луны. В момент самого тяжелого для себя испытания Афины получили помощь лишь из одного неожиданного для себя источника.

За несколько лет до этого небольшой город-государство в Беотии Платеи, испытывавший сильное давление со стороны своего сильного соседа города Фивы, запросил у Афин военную помощь, благодаря которой смог отстоять свою независимость. Теперь, когда по Греции прошла весть о том, что откуда-то из далеких краев пришла сила, грозившая уничтожить Афины, храбрые жители Платей, не раздумывая, направили всех своих воинов для того, чтобы защитить и разделить судьбу своих покровителей. Общая численность гоплитов в Платеях едва превышала одну тысячу человек. Это маленькое войско, совершив марш вдоль южного склона горы Киферон (235 м) через территорию Аттики, соединилось с армией афинян в районе Маратона почти перед самым началом битвы. Подкрепление было малочисленным, но его воинственный дух должен был удешевить мужество афинян, а присутствие союзника должно было изгнать вон мрачные мысли солдат о том, что они оказались покинутыми друзьями в столь трудный час, которые не могли у них не возникнуть после задержки прибытия войск Спарты.

Этот благородный и храбрый жест слабого, но честного союзника никогда не был забыт в Афинах. Платеи получили статус дружественного полиса, их жители стали пользоваться многими привилегиями, за исключением права занимать некоторые государственные должности в Афинах. С тех времен во времена торжественных жертвоприношений афинские жрецы просили небеса быть благосклонными не только к Афинам, но и к Платеям⁴.

³ Те из историков, которые жили значительно позже описываемой битвы, такие как, например, Юстин (римский писатель II–III вв., известен компиляцией и сокращением не дошедшей до нас «Истории Филиппа» (44 книги, Трога Помпея от мифических Нина и Семирамиды до времени Августа (конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.). – *Ред.*), Плутарх и другие, оценивают численность афинской армии в 10 тыс. человек. Их данные не заслуживали бы доверия, если бы, помимо их авторитета, не были подкреплены другими источниками. Однако расчеты, исходя из общего количества свободного населения Древних Афин, подтверждают эти цифры. В качестве основы для таких расчетов можно использовать, например, книгу Бека «Государственная экономика в Афинах» (т. 1, с. 45). В качестве гоплитов при Маратоне, наверное, служило и некоторое количество выходцев из других полисов, но число афинян, участвующих в битве, не могло превышать приведенной выше цифры.

⁴ По словам Гроте (т. 4, с. 464), «этот добровольный марш всей армии Платей на Маратон является наиболее трогательным эпизодом во всей истории Греции». В самом деле, вся история Платей и крепкие дружеские отношения, связывающие

После прибытия подкреплений из Платей в распоряжении афинских полководцев должно было быть примерно 11 тыс. тяжеловооруженных пехотинцев (гоплитов)⁵.

Кавалерии и лучников у афинян (в данном случае) не было вообще, а использование инженерных сооружений на поле боя в те времена не практиковалось.

В отличие от немногочисленной греческой армии в узкой бухте стояли корабли, а на ее извилистом берегу теснились шатры и шалаши, принадлежавшие большому войску различных народов, прибывших сюда, чтобы выполнить волю великого владыки восточного мира. Единственным ограничением их количества были сложности с транспортировкой и доставкой продовольствия. Нет никаких причин считать преувеличением оценку Юстина, который полагает, что в тот момент под командованием сатрапов Датиса и Артаферна с берегов Киликии на побережье Эвбеи и Аттики высадились примерно 10 тыс. воинов (не более 20 тыс. — *Ред.*). Греческие стратеги тогда еще не могли знать и о качественном превосходстве, которое во все времена после сражения при Марафоне отличало европейцев в конфликтах с азиатскими армиями. Так было и в последующих войнах между Грецией и Персией, в сражениях римских легионов против полчищ царя Понтийского царства Митридата VI Евпатора и армянского царя Тиграна II; так сражались и наши полки в Индии. До битвы при Марафоне иранские (мидийские и персидские) воины считались непобедимыми. Греки неоднократно сталкивались с ними в Малой Азии, на Кипре и в Египте и обычно терпели поражение. Никто лучше греческих авторов тех времен не может передать ужас, который внушало само имя мидян, а также обстановку всеобщего страха и упадка духа, вызванную неумолимым продвижением вперед иранских войск. Поэтому нет ничего удивительного в том, что пять из десяти афинских полководцев высказались за то, чтобы уклониться от битвы, безнадёжного сражения с противником, превосходившим греков количественно и пользовавшимся страшной репутацией. Греческие войска занимали выгодные позиции на высотах, где небольшие силы могли успешно противостоять высадившимся массам вражеских войск. Эти полководцы считали глупостью спуститься в долину, где армия, конечно, будет раздавлена копытами конницы, расстреляна неисчислимыми лучниками и растерзана иранскими ветеранами победных войн, некоторые из которых сражались еще с Камбисом и Киrom. К тому же Спарта, величайший военный город-государство Греции, к которому афиняне обратились за помощью и который пообещал эту помощь предоставить, из-за религиозного праздника, так почитаемого дорийцами, задерживалась с выступлением. Разве не было бы мудрым, с любой точки зрения, дожидаться прихода спартанцев, лучших воинов Греции, прежде чем выйти сражаться с наводящими ужас мидянами?

Как бы правдоподобно ни звучали эти доводы, другие пять стратегов выступили за более смелый и быстрый вариант войны. И, к счастью для Афин и всего мира, среди них был человек, обладавший не только высочайшими военными способностями, но и энергичным характером, позволявшим ему внушать свои идеи и поднимать дух у слабейших характером.

Мильтиад возглавлял один из самых известных родов в Афинах. Его корни уходили к древнейшим временам, и в жилах героя Марафона текла кровь Ахилла. Один из его предков получил во владение Херсонес Фракийский (совр. Галлиполийский полуостров), после чего члены рода стали одновременно афинскими гражданами и фракийскими князьями. Это случилось во времена, когда Афинами правил тиран Писистрат. Двое родственников Мильтиада

этот город с Афинами, даже в моменты смертельной опасности может служить самым впечатляющим примером из времен Античности. Во время Пелопоннесской войны Платеи вновь продемонстрировали искреннюю преданность Афинам, вопреки всем угрозам и чувству самосохранения. В результате город был сожжен. В классической истории трудно встретить более впечатляющие примеры доблести, чем слова платейских пленных, которыми после памятной осады города они оправдывают перед спартанскими палачами свою преданность Афинам (см.: *Тацит*. Т. 3. Разд. 53–60).

⁵ Во время битвы при Платеях, произошедшей через 11 лет после Марафонского сражения, каждый из участвующих в ней 8 тыс. афинских гоппитов имел в качестве сопровождения одного легковооруженного раба (*Геродот*. Т. 8. С. 28, 29).

– дядя, носивший то же имя, и брат Стесагор – правили на Херсонесе до тех пор, пока правителем не стал сам Мильтиад. Мильтиад вырос в Афинах в доме своего отца Кимона, который был знаменит на все Афины как олимпийский чемпион в гонках на колесницах и который был очень богатым человеком⁶.

Сыновья Писистрата, унаследовавшие власть в Афинах от своего отца, приговорили Кимона к смерти, но продолжали благосклонно относиться к юному Мильтиаду⁷.

Поэтому после смерти в Херсонесе брата Мильтиада Стесагора они отправили его туда как своего наместника. Это произошло за двадцать восемь лет до битвы при Марафоне. К этому периоду относится первое упоминание о Мильтиаде, отсюда мы узнаем о нем как о человеке и государственном деятеле. Уже в первой записи о нем мы находим свидетельства сочетания решительности и беспринципности, которое характерно для Мильтиада в зрелом возрасте. Власть брата в Херсонесе Фракийском была поколеблена в результате войны и мятежа. Мильтиад был полон решимости вновь укрепить ее. Прибыв в Херсонес, он заперся в доме, якобы в знак траура по умершему родственнику. Представители самых знатных домов города, узнав об этом, отправились в дом Мильтиада, чтобы выразить ему свои соболезнования. Как только они прибыли туда, он захватил их всех, превратив в своих пленников. Затем он сделался абсолютным властителем на полуострове и постоянно укреплял эту власть. Мильтиад на свои деньги содержал небольшую регулярную армию численностью в пятьсот воинов. Его власть еще более укрепилась после женитьбы на дочери царя соседней Фракии.

Когда власть персов распространилась до Геллеспонта (совр. Дарданеллы) и соседних областей, Мильтиад поступил на службу к царю Дарию I. В числе прочих военачальников он в составе персидской армии водил своих воинов в поход на Скифию. Мильтиаду вместе с греками из Малой Азии персидский царь поручил оборону переправы через Истр (Дунай), когда его армия вторглась (в 512 г. до н. э. – *Ред.*) в дикие земли, ныне принадлежащие России, в безнадежной погоне за предками современных казаков. (Скифы, племена иранского происхождения, тем не менее участвовали в формировании восточного славянства (свидетельства археологические, лингвистические; значительная часть языческих богов здесь – иранского происхождения). – *Ред.*) Узнав о том отпоре, который Дарий I получил от скифов, Мильтиад предложил другим греческим вождям разрушить мост через Истр (это вначале предложили скифы. – *Ред.*) и предоставить персидскому царю и его армии умереть от голода и скифских стрел. Правители греческих городов Малой Азии, к которым обратился Мильтиад, оказались от этого дерзкого и коварного удара по власти персов, и Дарий I сумел благополучно вернуться назад. Но замысел Мильтиада стал известен персам, и теперь месть Дария I была направлена напрямую против человека, который вынашивал смертельный удар против империи и самого царя. В течение нескольких лет ему еще удавалось сохранять свою власть над Херсонесом Фракийским, так как персидские завоевания были направлены в другую сторону. Но власть Мильтиада была зыбкой и ненадежной. Тем не менее он воспользовался той выгодой, которую сулило его положение, и сумел заручиться поддержкой афинских властей, завоевав и отдав под власть Афин острова Лемнос и Имроз (совр. Гёкчеада. – *Ред.*). К владению этими островами Афины стремились давно, но прежде им никогда не удавалось полностью подчинить себе эти территории. Тем временем в 494 г. персы окончательно подавили восстание ионийских греческих народов и теперь смогли, наконец, свободно повернуть свои флот и армию на борьбу с врагами великого царя к западу от Геллеспонта. Против Херсонеса Фракийского был направлен мощный флот финикийских гребных судов. Мильтиад понимал, что сопротивление бесполезно. Пока финикийцы были на о. Тенедос (совр. Бозджаада), он заполнил пять кораблей всеми ценностями, которые ему удалось собрать, и отплыл в Афины. Финикийцы погнались за

⁶ Геродот. Т. 6. С. 103.

⁷ Там же.

ним и догнали его в северной части Эгейского моря. Один из кораблей, на котором находился старший сын Мильтиада Метиох, был ими захвачен, но на остальных четырех Мильтиаду удалось благополучно добраться до острова Имроз. Оттуда он отправился в Афины, где восстановил свой статус свободного гражданина Афинского государства.

К тому времени афиняне изгнали из города последнего из своих тиранов Гиппия, сына Писистрата. Жители были в полной эйфории от недавно обретенной свободы и равенства. Под впечатлением от принятых изменений в правление Клисфена город горячо стремился к республиканской форме правления. У Мильтиада в Афинах были враги, которые на волне общественного мнения поспешили отправить его под суд по обвинению в тираническом правлении в Херсонесе Фракийском. Сам факт обвинения вовсе не означал, что против подсудимого обязательно будут применяться карательные меры, по этому поводу не существовало никаких специальных законов. Причиной был укоренившийся в те времена в греках страх перед личностью, которой удавалось навязать свою волю соотечественникам и получить ничем не ограниченную власть над ними. Факт, что Мильтиад именно таким образом осуществлял свое правление в Херсонесе Фракийском, был неоспорим. Однако афинский суд собирался решить, заслуживал ли Мильтиад, который стал тираном Херсонеса, наказания как гражданин Афин? Тот несомненный факт, что он очень помог своему полису, завоевав острова Лемнос и Имроз, говорил явно в его пользу. Народ отказывался обвинять Мильтиада. Он пользовался самой горячей поддержкой в обществе. И когда стало известно о персидском нашествии, афинский народ принял мудрое решение, избрав его сроком на один год одним из стратегов.

В памятном совете десяти полководцев у Марафона приняли участие еще два человека, к которым слава политических деятелей пришла уже после Мильтиада. Одним из них был Фемистокл, будущий создатель афинского военного флота и фактический победитель в битве при Саламине (греческим флотом руководил спартанец Эврибиад, следовавший плану Фемистокла. – *Ред.*). Другим был Аристид, позднее возглавивший отряд афинян в греческом войске (командующий спартанец Павсаний) в битве при Платеях. Известность и народное признание пришли к нему, когда натиск персов удалось, наконец, отразить и добрая половина греков безоговорочно признала Аристида своим вождем и защитником. История не сохранила свидетельств о том, какую позицию заняли эти два человека во время обсуждения плана действий при Марафоне. Но, зная характер Фемистокла, его храбрость, интуитивную способность находить самое эффективное решение в критической ситуации (качество, которое историки единодушно признают как самое главное в его характере), можно с уверенностью предположить, что Фемистокл принял самое верное и смелое решение⁸.

Более сложно судить о том, за какое решение отдал свой голос Аристид. То преклонение, которое он испытывал перед спартанцами, могло заставить его проголосовать за то, чтобы дожидаться подхода их армии. Однако, будучи предусмотрительным, как воин и как политик он никогда не был трусом. А смелая речь Мильтиада, возможно, в этом случае упала на благодатную почву и нашла в лице Аристида благодарного слушателя.

Сам Мильтиад не испытывал ни малейших сомнений относительно возможных действий афинской армии. Он прилагал все усилия для того, чтобы привлечь на свою сторону коллег. Будучи не понаслышке знаком с организацией персидской армии, Мильтиад был убежден в превосходстве греческих войск, при условии умелого руководства ими. Взглядом опытного военного ему удалось сразу же уловить все те преимущества, которые местность предоставляла грекам при внезапной атаке. В то же время, как мудрый политик, он понимал весь риск, связанный с пассивным ожиданием, когда упущенное время грозило гибелью Афинам. Один из участников совета, а именно Каллимах, которому принадлежала формальная власть в гре-

⁸ Тацит высказывается о характере Фемистокла в 138-й главе своей первой книги.

ческой армии, все еще не проголосовал. Поскольку голоса остальных стратегов разделились поровну, по пять с каждой стороны, мнение Каллимаха должно было стать решающим.

От этого голоса по капризу судьбы теперь зависела будущая судьба народов мира. Мильтиад обратился к нему с прямой речью солдата, словами, которые мы и сейчас можем прочитывать в трудах Геродота, который сам узнал о них от ветеранов битвы при Марафоне. Мильтиад умолял Каллимаха проголосовать за битву: «Теперь в твоей власти, Каллимах, или повергнуть Афины в рабство, или защитить их свободу и завоевать себе бессмертную славу, которой нет даже у Гармодия и Аристогейтона (убивших тирана Гиппарха, брата Гиппия. – *Ред.*). Никогда еще с того времени, как появился народ Афин, он не был в такой опасности, как теперь. Если афиняне склонятся на колени перед мидянами, то попадут во власть Гиппия, и ты знаешь, какие страдания тогда им выпадут. Но если Афины выйдут из битвы победителем, они станут первым городом во всей Греции. От твоего голоса зависит решение, примем мы битву или нет. Если мы сейчас откажемся от сражения, интриги различных фракций в городе приведут к разъединению афинян, и город попадет в руки мидян. Но если мы решим сражаться, прежде чем в городе начнутся раздоры, я уверен, что при условии, что боги будут играть честно и не выступят против нас, мы сможем в бою доказать, что были правы»⁹.

Таким образом, голос полемарха был завоеван, и на совете было принято решение дать персам бой, и заслуга в этом полностью принадлежит Мильтиаду. Его же военным талантом объясняется тот факт, что все остальные стратеги сложили с себя полномочия и приняли решение следовать его приказам. Однако сам Мильтиад опасался зависти и скрытых интриг, которые могли бы нарушить единство в его небольшой армии, и поэтому выжидал, пока придет день, когда он примет командование армией по праву передачи полномочий. Только после этого он двинул войско навстречу врагу.

Бездействие иранских полководцев в этот период на первый взгляд кажется странным. Но с ними находился Гиппий, и они, как и он, знали о том, что могут захватить власть в городе без кровопролития, путем интриг и махинаций его сторонников в Афинах. Характер местности также во многом объясняет тактику противостоявшей грекам армии, как перед битвой, так и в ходе самого сражения.

Марафонская равнина, которая находится на расстоянии примерно 22 миль (40 км) от Афин, протянулась вдоль бухты с тем же названием на северо-восточном побережье Аттики. Равнина имеет форму полумесяца длиной около 10 км. В центре ее ширина составляет примерно 3 км; в этом месте горы отстоят от моря на максимальном расстоянии, далее по направлению к обоим краям «полумесяца» оно сужается, и по его краям горы почти подходят к воде на оконечности бухты. В середине равнины расположена долина, в южном направлении к ней ведет горная дорога. Со всех сторон дорогу тесно охватывают труднопроходимые горы, густо поросшие соснами, оливковыми деревьями и кедрами и покрытые миртом, земляничными деревьями и другими пахучими кустарниками, запахом которых густо пропитан воздух Аттики. В наши дни в долине высятся курганы, выросшие над теми, кто пал в битве, но ко времени высадки персов она была почти идеально ровной. По краям долины местность заболочена; она высыхает только весной и летом. В сухой сезон здесь ничто не препятствует действиям кавалерии, но во времена осенних дождей, когда происходили описываемые события (битва произошла 13 сентября), эта земля была практически непригодна для конных рейдов¹⁰.

⁹ Геродот. Т. 6. Гл. 109. По мнению автора, из главы 116 прямо явствует, что Геродот лично беседовал с ветераном битвы при Марафоне Эпицелом. О содержании речи Мильтиада стало известно из воспоминаний его коллег-полководцев. Обычно авторами речей, которые древние историки приписывают монархам и полководцам, являются они сами. Однако фрагменты речи Мильтиада находят подтверждение в словах его современников. Смелые и резкие слова никак не могли принадлежать Геродоту, но были характерны для Мильтиада. Некоторыми из его выражений затем долго пользовались его современники.

¹⁰ См. план местности.

Расположившиеся в горах греки могли наблюдать за каждым шагом находившихся на равнине внизу иранцев, при этом сами они оставались практически невидимыми для врага. Звание Мильтиада давало ему право начать битву в любое время по своему усмотрению или отказаться от нее по своему желанию, если только воинам Датиса и Артаферна не придет в голову пойти на безрассудный штурм высот, где скрывался их противник.

Если посмотреть на карту Древнего мира и попытаться сравнить территориальные ресурсы, которыми обладали два государства, чьи армии вот-вот должны были схватиться в смертельной битве, неоспоримое преимущество Персидского царства над Афинской республикой, пожалуй, не имеет исторических аналогов. Справедливо отмечалось, что если вести счет только размерами государств, то Аттика, чья площадь составляет всего 700 квадратных миль, просто потеряется в сравнении даже с многими феодальными владениями сеньоров Средних веков или колониальными территориями современности. Соперник Афин Персидская империя Ахеменидов включала в себя значительную часть азиатской и большую часть европейской территории современной Турции, современный Иран, а также территории, где сейчас располагаются Грузия, Армения, Балх, Пенджаб, Афганистан, Белуджистан, Египет и Триполитания. (Добавим Ирак, Пакистан, юг Азербайджана, Туркмению, Узбекистан, Таджикистан и др. – *Ред.*)

Житель Европы в начале V в. до н. э. не мог смотреть на ту огромную мощь под скипетром единственного азиатского правителя с тем же хладнокровием, с каким мы сейчас обзреваем на карте огромные владения современных восточных владык. К тому же, как уже было сказано выше, до Марафонского сражения моральное превосходство азиатских народов перед европейскими было очевидным, их авторитет в военной области был непререкаем, и, как казалось, все шансы на победу были на стороне персов. Азия была колыбелью, где зарождались человеческие сообщества. (Иранцы, в частности персы, пришли на Иранское нагорье в конце второго – начале первого тысячелетия до н. э. Их родина, как и других арийских народов, – степи и лесостепи Евразии, в данном случае к востоку от Волги. Историческая родина греков, тоже индоевропейцев, около 2200 г. до н. э. завоевавших юг Балканского полуострова, восточноевропейские степи и лесостепи. Во времена Греко-персидских войн отличия между родственными арийскими народами, в частности греками и иранцами, вряд ли были большими, чем между современными западными и восточными славянами. – *Ред.*) Задолго до того, как в других частях света появлялись лишь слабые ростки цивилизации, на Азиатском континенте уже возникли и блистали могущественные империи, подобно горным вершинам на рассвете. В отличие от постоянных изменений и исторических поворотов, так характерных для судеб европейских народов с самого начала развития цивилизации на нашем континенте, для истории почти всех восточных империй с древнейших времен до современности характерны монотонность и однообразие. Для всех них характерен быстрый рост на ранних этапах развития. Их владения раскидываются на неизмеримые расстояния. Управление провинциями в таких государствах возложено на сатрапов или пашей. Для этих стран характерна быстрая деградация правящих династий. На смену суровым воителям приходят изнеженные любители гаремов. В таких империях царит внутренняя анархия, постоянно происходят мятежи, которые приближают времена упадка и ускоряют падение этих неэффективно построенных властных машин. Несомненным фактом является то, что для всех великих азиатских империй во все времена характерна деспотическая форма правления. И Херен справедливо связывает это с другим важным фактором, влияющим на политическую и общественную жизнь азиатских государств. «Для мужского населения всех наиболее значительных народов внутренней Азии характерна полигамия. А там, где существует эта традиция, невозможна правильная политическая организация обществ. Отцы превращаются в домашних деспотов. Они готовы точно так же повиноваться своим владыкам, как в их семейных хозяйствах им подчиняются члены собственных семей». Кроме того, необходимо учитывать незыблемую связь между государственной рели-

гией и законодательством, а также наличие мощного аппарата жрецов, который в некоторой степени, пусть и не всегда одинаково явно, имеет влияние на самого монарха, полностью подчиняет себе гражданскую администрацию, держит в своих руках систему образования. Жречество настолько жестко контролирует литературу и науки, что последние призваны лишь выполнять его указания.

Правильно поняв и прочувствовав эти общие характеристики, мы сможем сравнительно легко взять на себя задачу исследовать и оценить ход и принципы развития как всех восточных монархий в целом, так и Персидской империи Ахеменидов в частности. А это, в свою очередь, позволит нам оценить значение того отпора, который греки смогли дать вооруженному вторжению с Востока. Мы могли бы также попробовать проанализировать те последствия для человеческой цивилизации, которые наступили бы в случае удачного осуществления иранского вторжения в Европу после того, как ими уже была покорена значительная часть цивилизованного мира того времени.

Само географическое положение страны естественным образом выдвинуло Грецию в первые ряды в борьбе за свободу Европы против притязаний Ахеменидов. И греки блестяще продемонстрировали те выдающиеся черты национального характера, которые столь же присущи и другим европейским народам. Впоследствии именно они так высоко вознесли европейскую цивилизацию над азиатской. Народы, проживавшие в античные времена в районе Северного Средиземноморья, первые на нашем континенте получили с Востока зачатки искусства и литературы. Оттуда же пришли и основы политической организации общества. Грекам, земли которых были расположены по соседству с Малой Азией, Финикией и Египтом, удалось оказаться впереди прочих. Они быстро познали нравы и обычаи цивилизации. Так же быстро они стали вносить что-то свое, характерное только для них, во все полученные новшества. Так, например, многие имена богов и многие обряды пришли в греческую религию от иностранцев. (Большинство богов греческого пантеона – индоевропейские, близкие, например, к славянскому, германскому, индоарийскому пантеонам. И только некоторые, как, например, Афина, заимствованы с Востока. – *Ред.*) Однако греки с презрением отказались от чудовищных, вызывающих отвращение преданий, пришедших к ним с берегов Нила и Оронта. Греческие поэты обработали и опоэтизировали древнюю прекрасную мифологию. В этой стране не существовало касты жрецов, подобной, например, египетской. Государственный строй Греции долгое время представлял собой передававшуюся по наследству власть монарха, но на этой земле никогда не возникала надолго абсолютная монархия. Правители Греции являлись конституционными монархами и имели строго определенный набор привилегий. И еще до иранского вторжения монархическая форма правления во многих греческих государствах уступила место демократическим институтам власти. При этом имели место многочисленные вариации распределения власти, от олигархии до демократии. В литературе и науке греческие умы никогда не шли по проторенным дорогам и не признавали никаких ограничений. Греки смело выражали свои мысли; новые идеи воспринимались ими скорее с интересом, чем с подозрением. Гибкий, неутомимый, предприимчивый и уверенный интеллект греков являлся полной противоположностью спокойной покорности многих народов Востока. Среди прочих греческих племен афиняне наиболее ярко воплотили в себе эти национальные черты. Этот дух активности и непокорности в сочетании с уважительной симпатией к своим соотечественникам в Азии заставил афинян принять участие в Ионийской войне. Сейчас, охваченные ненавистью к одному из кланов, узурпировавшему власть в их государстве и в течение некоторого времени насильственно ее удерживавшему, они были готовы бросить вызов царю Дарию I. Афиняне отказывались по его приказу принять обратно тирана, которого несколько лет назад они сами изгнали со своей земли.

Предприимчивость и гений одного из англичан в более поздние времена подтвердили новыми свидетельствами и оживили интерес к мощи персидского монарха, который отправил

свои войска сражаться при Марафоне. Уже давно было известно о надписях клинописью на мраморных памятниках Персеполя, близ древнего города Сузы, о скальных надписях в других поселениях, в далекие века находившихся под властью первых персидских царей. Но в течение тысячелетий они воспринимались лишь как неразгаданные загадки и вызывали только праздное любопытство. Часто эти памятники упоминались лишь как свидетельство глупого тщеславия представителей человеческого рода, у которых хватило времени на то, чтобы доверить образцы своей письменности твердому камню. Но только этим камням удалось сохранить и язык, и даже саму память о самодовольных представителях некогда славных народов. Старший Нибур, Гротефенд и Лассен сделали ряд догадок относительно значений букв клинописи. Но только майору Роулинсону, служащему Ост-Индской компании, после нескольких лет труда удалось, наконец, полностью раскрыть алфавит и грамматику долгое время недоступного языка. Что особенно важно, он смог полностью расшифровать и подробно разъяснить надписи на считающейся священной скале Бехистун, в западной части Мидии (близ современного г. Керманшах в Западном Иране. – *Ред.*). Теперь эти тексты нашли своего переводчика, и с высоты скалы сам Дарий называет нам имена народов, покорившихся ему, перечисляет восстания, которые он подавил, свои победы и другие славные поступки, которые он успел совершить.

Но эти неоспоримые памятники персидской славы подтверждают (и даже дают дополнительные сведения) информацию Геродота о том, как Кир основал, а Камбис расширил обширную державу. Затем Дарий I добавил к ней завоевания в индийских и арабских землях. Похоже, что, когда он двинул свои войска в Европу, он всерьез рассчитывал распространить свою власть на весь мир.

За исключением Китайской империи, в которой в течение веков и до самых последних лет практически одна треть населения Земли живет в отрыве от других народов (периоды относительной изоляции Китая чередовались либо с периодами его активной экспансии (Цинь, Тан), либо распада и частичного или даже полного его завоевания (монгольская династия Юань, маньчжурская Цин. – *Ред.*), все великие царства, существовавшие в Древней Азии, вошли в состав империи Ахеменидов. Народы Северо-Западной Индии, ассирийцы, сирийцы, вавилоняне, халдеи, финикийцы, палестинцы, армяне, население Бактрии и Лидии, фригийцы и парфяне, а также мидяне – все объединились под скипетром великого царя. По значимости мидийский народ стоял вторым после самих персов (первоначально была Мидийская держава, но после того, как царь восставших в 553 г. до н. э. персов Кир разбил мидян в 550 г. до н. э., персы передвинулись в державе на первое место, а мидяне заняли второе, но выше всех остальных. – *Ред.*), а о самой империи часто говорили как об империи мидян или как о стране мидян и персов. Египет и Киренаика также были персидской сатрапией. Дарий I покорил греческие колонии в Малой Азии и на островах Эгейского моря, а храбрые, но безуспешные попытки греков сбросить персидское ярмо привели лишь к усилению этого гнета. Кроме того, они укрепили общепринятое мнение о том, что греки не смогут устоять перед персами на поле боя. В результате войны с европейскими скифами (512 г. до н. э.) Дарий I, хотя и не смог достичь поставленных целей, сумел подчинить Фракию и покорить Македонию. Теперь ему принадлежали земли от Индии до Балкан.

Можно только попытаться представить себе тот гнев, который испытал владыка стольких народов, когда за девять лет до Марафонского сражения афиняне осмелились оказать помощь ионийцам, восставшим против него, Дария I. При этом была разграблена и сожжена столица одной из персидских сатрапий, Сарды. Но для его сатрапов в Малой Азии было не внове принимать при своих дворах беженцев из Афин, которые просили о помощи своим соотечественникам. Когда в 510 г. до н. э. Гиппий был изгнан из Афин и тем самым лишилась власти династия Писистратидов, свергнутый тиран и его окружение после неудачной попытки вернуть себе власть с помощью спартанцев наконец обрели убежище в Сардах, столице сатрапии

Артаферна. Там Гиппий (как об этом пишет Геродот) начал агитационную кампанию, всячески пытаясь очернить Афины перед Артаферном и доказать, что город является владением Гиппия, данника и вассала царя Дария I. Когда афиняне узнали об этом, они отправили в Сарды своих посланников с протестом против вмешательства персов в конфликт между ними и беженцами из Афин. Однако в ответ Артаферн угрожающим тоном повелел им принять обратно Гиппия, если они пекутся о безопасности своей страны. Но афиняне решили, что безопасность такой ценой им не нужна. Отвергнув условия сатрапа, они автоматически объявляли себя врагами персов. В этот критический момент ионийские греки обратились к своим европейским землякам и союзникам за помощью в борьбе за независимость от Персидской империи. Афины и город Эритрея на острове Эвбея были единственными, кто согласился эту помощь предоставить. Двадцать триер (трехпалубных гребных боевых кораблей) из Афин и пять из Эритреи пересекли Эгейское море. Внезапным смелым броском на Сарды афиняне и их союзники захватили столицу высокомерного сатрапа, который недавно грозил им рабством и гибелью. Вскоре иранцы собрали армию, и греки были вынуждены отступить. Иранцы настигли и разгромили афинский отряд, а также флотилию, после чего Афины не принимали участия в Ионийской войне. Но об оскорблении, нанесенном персидскому владыке, вскоре узнали во всей империи. Такой поступок не мог быть забыт и прощен. Геродот вспоминает о гневе персидского царя короткой, но выразительной фразой: «Когда царю Дарию I сообщили, что Сарды были захвачены и сожжены афинянами и ионийскими греками, он почти не обратил внимания на упоминание об ионийцах, хорошо зная об этом народе и понимая, что мятеж будет вскоре подавлен. Однако он спросил, кто такие афиняне и что это за народ. Когда ему рассказали об этом, царь приказал принести ему лук. Он натянул тетиву и пустил стрелу в небо. После этого Дарий I воскликнул: «Великий бог! Дай мне возможность отомстить афинянам». Потом он приказал одному из слуг, чтобы каждый раз, когда царь будет садиться за стол и начинать есть мясо, тот напоминал ему: «Государь! Помни об афинянах».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.